

А.С. Грибоедов

**Полное собрание
сочинений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г82

Г82 **Грибоедов А.С.**
Полное собрание сочинений / А.С. Грибоедов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 392 с.

ISBN 978-5-517-83677-9

С биографическим очерком и портретом А.С. Грибоедова, гравированным
из стали Ф.А. Брокгаузом в Лейпциге

ISBN 978-5-517-83677-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Сочиненіямъ Грибоѣдова посвящены многочисленныя и тщательныя изысканія. Изданія ихъ, сдѣланныя Серчевскимъ, Гарусовымъ, Ефремовымъ, и особенно въ послѣднее время (1889 г.) приватъ-доцентомъ Шляпкинымъ, исчерпали все, что изъ написаннаго Грибоѣдовымъ было разбросано въ старыхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ или могло быть добыто въ рукописяхъ. Послѣднее изданіе особенно цѣнно обширнымъ собраніемъ какъ текстовъ произведеній Грибоѣдова, такъ и библиографическихъ данныхъ. Задача наша была тѣмъ совершенно упрощена.

Но, назначая наше собраніе сочиненій Грибоѣдова для обыкновенныхъ читателей, которымъ, тѣмъ не менѣе, не чужды стремленія ближе ознакомиться съ личностью творца „Горя отъ ума“ и характеромъ его творческой дѣятельности, мы должны были нѣсколько иначе воспользоваться собранными матеріалами. Мы расположили произведенія по родамъ, что съ особенною силою обнаруживаетъ свойства ума и таланта Грибоѣдова. Мы нашли излишними въ изданіи официальные письма и донесенія Грибоѣдова, которыя онъ писалъ въ качествѣ чиновника, и оставили только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отразились свойства личности нашего автора. Мы исключили различныя „путевыя замѣтки“ и т. п., заключающія въ себѣ просто названія мѣстностей, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, или смутныя указанія на факты, которые онъ намѣренъ былъ, вѣроятно, позже описать,—все это имѣетъ значеніе сыраго біографическаго матеріала; но мы напечатали „историческія замѣтки“ Грибоѣдова, потому что въ нихъ сказался сильный и пыливый духъ ихъ автора. Мы не могли включить въ наше изданіе и такія статьи, какъ „Письмо о взятіи Карса“, принадлежность котораго Грибоѣдову болѣе чѣмъ сомнительна. Затѣмъ въ наше изданіе вошло все, что принадлежитъ перу Грибоѣдова.

Тексты произведеній Грибоѣдова взяты нами тѣ, которые, по нашему мнѣнію, болѣе авторитетны. Мы не почли нужнымъ также удерживать ореографическія особенности, несвойственныя современному русскому правописанію, и тѣмъ болѣе не сохранили ошибокъ въ правописаніи и въ разстановкѣ знаковъ препинанія; неправильности эти произошли просто отъ невниманія или незнанія переписчиковъ.

А. В.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

(Биографическій очеркъ).

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, выѣхавшаго въ Московское царство изъ Польши. Дворянина Михаила Ефимовича Грибоѣдова «жаловаль» царь Михаилъ Теодоровичъ «за ево многія службы» царю Василию Ивановичу «во нужное и во прискорбное время». При царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Теодорѣ Алексѣевичѣ выдвигается нѣкто Теодоръ Ивановичъ Грибоѣдовъ, сынъ Яна Гржибовскаго, подписавшій, въ числѣ пяти составителей, «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича. Эта послѣдняя отрасль фамиліи, вѣроятно, была въ близкомъ родствѣ съ первою; полагаютъ, что Теодоръ Ивановичъ былъ вызванъ царемъ съ родины, въ качествѣ свѣдущаго законника, для составленія названнаго памятника русскаго законодательства, и быть-можетъ, именно по указанію своихъ родственниковъ. Къ концу восемнадцатаго вѣка Грибоѣдовы сдѣлались чисто русскими.

Александръ Сергѣевичъ былъ представителемъ обоихъ этихъ родовъ. Отецъ его, секундъ-майоръ Сергѣй Ивановичъ, потомокъ Яна Гржибовскаго, женился въ 1793 году на Настасьѣ Теодоровнѣ Грибоѣдовой, происходившей отъ рода Михаила Ефимовича. Отъ этого брака и родился знаменитый творецъ «Горя отъ ума», 4 января 1795 года, въ Москвѣ. Родители его принадлежали къ высшему московскому обществу, которое Грибоѣдовъ имѣлъ, поэтому, возможность хорошо узнать еще въ юные годы. Настасья Теодоровна постаралась дать своему сыну основательное образованіе. Первымъ воспитателемъ Грибоѣдова былъ Петрозиліусъ, замѣчательный ученый энциклопедистъ, затѣмъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, докторъ правъ, знатокъ классиковъ, который основательно познакомилъ своего воспитанника съ древними языками. Зная съ ранняго возраста нѣсколько иностранныхъ языковъ, Грибоѣдовъ имѣлъ возможность близко ознакомиться и съ новѣйшими литературами. Онъ очень любилъ му-

зыку, впоследствии зналъ прекрасно теорію этого искусства и быть извѣстенъ даже какъ превосходный импровизаторъ на фортепьяно.

Въ 1810 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣшній юридическій факультетъ) вольнослушателемъ и слушалъ лекціи профессоровъ Гейма, Сохацкаго, Рейнхардта, Шлецера, Снегирева. Особенное вліяніе имѣлъ на него профессоръ исторіи и эстетики Буле, занимавшійся съ нимъ на дому философскими и политическими науками. Время, проведенное въ университетѣ, Грибоѣдовъ всегда вспоминалъ съ любовью и благодарностью. Уже тогда онъ пристрастился къ литературѣ и началъ писать; есть извѣстіе, что будто бы 17-лѣтнимъ студентомъ онъ читалъ уже Іону и товарищамъ отрывки изъ «Горя отъ ума»; но, конечно, это раннее произведеніе, если оно и существовало, было далеко отъ того, которое обезсмертило имя Грибоѣдова.

Годъ Отечественной войны вызвалъ Грибоѣдова на другое поприще. Въслѣдствіе воззванія правительства къ студентамъ Московскаго университета, онъ, выдержавъ экзаменъ на кандидата, поступилъ корнетомъ въ Московскій гусарскій полкъ, который формировался тогда изъ аристократовъ графомъ Салтыковымъ. Полкъ этотъ составлялся медленно, а скоро, за смертью Салтыкова, и совсѣмъ распущенъ; тогда Грибоѣдовъ перешелъ въ Иркутскій гусарскій же полкъ. Участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона ему, однако, все-таки не пришлось: Иркутскіе гусары были причислены къ резервамъ, и дальше Брестъ-Литовска не пошли. Въ это время Грибоѣдовъ познакомился и близко сошелся съ адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, С. Н. Вѣгичевымъ, дружба съ которымъ связывала его потомъ всю жизнь. Бездѣйственная, разгульная жизнь, господствовавшая среди офицеровъ того времени, не осталась безъ вліянія на Грибоѣдова, и страстная натура нерѣдко увлекала его далеко за предѣлы благоразумія. Такъ, съ Вѣгичевымъ они вѣхали однажды во второй этажъ дома, гдѣ былъ балъ; другой разъ Грибоѣдовъ забрался во время богослуженія на хоры церкви какого-то католическаго монастыря на мѣсто органиста, превосходно импровизировалъ церковныя гимны, и затѣмъ вдругъ началъ играть «камаринскую». Внутренно Грибоѣдовъ чувствовалъ ненормальность подобной жизни и впоследствии писалъ: «я въ этой дружинѣ всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ какъ не могу попасть на путь истинный».

Вѣгичевъ былъ, однако, не участникомъ только въ затѣяхъ Грибоѣдова. По всѣмъ даннымъ, это былъ человѣкъ выдающагося ума; онъ

скоро понялъ Грибоѣдова и постарался отвратить его отъ праздной, разгульной жизни; сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, прямо называла Вѣгичева «провидѣніемъ» своего брата. Относящееся къ тому же времени знакомство съ извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, княземъ Шаховскимъ, тоже служившимъ въ военной службѣ, осталось не безъ вліянія на литературныя стремленія Грибоѣдова. Уже изъ Бреста онъ послалъ въ «Вѣстникъ Европы» письма «О кавалерійскихъ резервахъ» и о праздникѣ въ честь генерала Кологривова, получившаго тогда награду. Вѣроятно къ тому же времени относится переводъ Грибоѣдовымъ пьесы «Le Secret du ménage», подъ заглавіемъ «Молодые супруги».

Военная жизнь, между тѣмъ, теряла для Грибоѣдова привлекательность; онъ стремился въ Петербургъ. И въ 1815 году мы видимъ его уже въ столицѣ. Черезъ князя Шаховскаго Грибоѣдовъ близко сошелся съ кружкомъ писателей и драматурговъ, между прочимъ съ П. А. Катенинымъ, Жандромъ, Хмѣльницкимъ, Гречемъ. Онъ страстно увлекся театромъ, и при тогдашней строгости относительно театровъ, доходившей до запрещенія выражать неодобреніе актерамъ, не разъ рисковалъ, какъ говорятъ, серьезно поплатиться за свои увлеченія, если бы его не удерживалъ извѣстный позже поэтъ князь А. И. Одоевскій, съ которымъ Грибоѣдовъ подружился въ то время. 29 сентября 1815 года поставлена на петербургской сценѣ въ первый разъ и переводная пьеса его самого: «Молодые супруги». Въ началѣ слѣдующаго, 1816 года Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Свѣтская жизнь, которую велъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни, отвлекла его отъ литературы; тѣмъ не менѣе, появившаяся въ срединѣ года статья его «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой Леноры», обратившая на себя вниманіе, свидѣтельствуетъ объ интересѣ, съ которымъ относился онъ къ литературнымъ явленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣчательной независимости мысли, объ опредѣленности и ясности представленій о литературѣ. Имя Грибоѣдова появляется въ то же время въ спискѣ членовъ ма- сонской ложи *Des amis réunis*. По свидѣтельству Вѣгичева, Грибоѣдовъ написалъ въ этомъ году нѣсколько сценъ «Горя отъ ума», въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ была между прочимъ жена Фамусова, сантиментальная поклонница моды, позже со- вѣмъ исключенная изъ комедіи.

Въ слѣдующемъ, 1817 году Грибоѣдовъ опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ декабрѣ произведенъ въ переводчики коллегіи. Въ это время случилось обстоятельство, оставившее въ жизни его довольно яркіи слѣды. Грибоѣдову, жившему

тогда въ одной квартирѣ съ гр. Завадовскимъ, случилось какъ-то пригласить къ себѣ на чай извѣстную тогда балетную актрису Истошну. Кавалергардскій офицеръ Шереметевъ, пользовавшійся ея особеннымъ расположеніемъ, и ревновавшій ее къ Завадовскому, по совѣту А. П. Якубовича, вызвалъ Грибоѣдова на дуэль. Грибоѣдовъ отказался, но выразилъ готовность стрѣляться съ Якубовичемъ. Дуэль состоялась между Шереметевымъ и Завадовскимъ, и первый былъ убитъ. По просьбѣ отца убитаго, всѣ участники дуэли были прощены и только одинъ Якубовичъ сосланъ на службу на Кавказъ, и съ нимъ, какъ увидимъ позже, должна была состояться дуэль Грибоѣдова.

Между тѣмъ умъ и неключительное образованіе Грибоѣдова, владѣвшаго нѣсколькими языками, обратили на него вниманіе министра иностранныхъ дѣлъ, который и предложилъ ему мѣсто секретаря при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи, Мазаровичѣ. Неохотно, но согласился Грибоѣдовъ на это назначеніе, оказавшееся позже фатальнымъ для него. Въ октябрѣ 1818 года онъ былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ стрѣлялся съ Якубовичемъ, былъ раненъ въ руку, и отъ этой раны у него свело мизинецъ на рукѣ—признакъ, по которому узнали его пзуродованное тѣло.

Въ началѣ 1819 года Грибоѣдовъ уѣхалъ въ Персію. Повѣренный въ дѣлахъ, Мазаровичъ, не отличался качествами хорошаго дипломата, особенно для азиатской страны: онъ упивался передъ персидскими властями. Совершенно иное направленіе, насколько позволяло ему официальное положеніе его, далъ русской полпникѣ въ Персіи Грибоѣдовъ. Представившись въ Тавризѣ наследнику персидскаго престола, Аббасу-Мирзѣ, и шаху въ Тегеранѣ, онъ дѣятельно занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ — послѣдняго, какъ служащаго основаніемъ для многихъ нарѣчій Востока, — а также нравовъ и характера персіянъ. Держалъ онъ себя съ такимъ достоинствомъ, что заслужилъ уваженіе даже со стороны враждебной Россіи англійской миссіи въ Тавризѣ и благосклонность Аббасъ-Мирзы, но въ то же время и ненависть нѣкоторыхъ персидскихъ сановниковъ, хорошо понимавшихъ, что въ лицѣ Грибоѣдова Персія получила сильнаго представителя русскихъ интересовъ. Найдя въ Персіи множество русскихъ, вступившихъ тамъ въ войска шаха, Грибоѣдовъ уговорилъ многихъ изъ нихъ воротиться въ Россію. Несмотря на интриги и препятствія со стороны персіянъ, онъ послѣдовательно провелъ это дѣло до конца и ему поручено было проводить отряды переселенцевъ въ русскія границы. Не разъ рпсковалъ Грибоѣдовъ жизнью на этомъ тревожномъ пути, среди озлобленныхъ персіянъ, которымъ не могли быть пріятны дѣйствія

энергичнаго секретаря миссiи, но знанiе персовъ и тактъ помогли Грибоѣдову безпрепятственно исполнить порученiе и даже не потерявъ при этомъ расположенiя Аббаса-Мирзы и шаха, пожаловавшихъ ему орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Часы досуга отъ дипломатической дѣятельности Грибоѣдовъ посвящалъ любимымъ занятiямъ: музыкѣ, литературѣ и чтенiю. По словамъ Булгарина, «Горе отъ ума» начато именно въ Тавризѣ. «Будучи въ Персiи въ 1821 году, — рассказываетъ онъ, — Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кiоскъ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившiй ему любезное отечество со всемъ, что осталось въ немъ млага для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ комедiи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «Горя отъ ума» и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедiя сия заняла все его досуги и онъ окончилъ ее въ Тифлисѣ, въ 1822 году». Какъ ни мало заслуживаютъ довѣрiя подробности этого разсказа, въ немъ, надо думать, есть зерно истинны: вдали отъ родины, рисуя себѣ въ воображенiи картины московской жпзни, Грибоѣдову всего естественнѣе было создать тотъ окончательный планъ комедiи, который мы знаемъ, и отказаться отъ первоначальныхъ, создававшихся подъ непосредственными, частными и мелкими, впечатлѣнiями московской и петербургской жпзни.

Въ ноябрѣ 1821 года мы находимъ Грибоѣдова въ Тифлисѣ. На пути туда изъ Тавриза онъ опасно переломилъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку и, не найдя доктора, вынужденъ былъ обратиться къ первому, который могъ подать ему помощь. Въ результатѣ рука его срослась неправильно, такъ что онъ не могъ владѣть ею, и въ Тифлисѣ пришлось снова сдѣлать переломъ для приданiя ей правильнаго положенiя. Ѣхать въ Персiю, гдѣ въ опасной болѣзни своей онъ могъ не найти помощи, Грибоѣдову было невозможно; да внутренно онъ и не желалъ возвращаться въ эту азиатскую страну, полную опаснаго коварства. И Грибоѣдовъ переведенъ былъ «секретаремъ по иностранной части» въ распоряженiе тогдашняго начальника Кавказскаго края, А. П. Ермолова. Человѣкъ большаго ума, Ермоловъ умѣлъ цѣнить Грибоѣдова; привязался къ нему и Грибоѣдовъ, былъ при немъ безотлучно и даже сопровождалъ его въ военныхъ экспедицiяхъ. Въ Тифлисѣ служилъ въ то время вполнѣ знаменитый Н. Н. Муравьевъ (Карсскiй); Грибоѣдовъ познакомился съ нимъ близко, училъ его

по-персидски, самъ участь у него турецкому языку. О впечатлѣніи, которое произвелъ Грибоѣдовъ на Муравьева, можно судить по словамъ послѣдняго: «Образованіе и умъ его (Грибоѣдова) необыкновенны». Берже въ одной изъ своихъ статей сдѣлалъ слѣдующее характерное описаніе тогдашняго образа жизни Грибоѣдова въ Тифлисѣ: «Поселившись на армянскомъ базарѣ, въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда открываются предгорья главнаго Кавказскаго хребта, А. С. Грибоѣдовъ болѣею частью оставался у себя, одѣтый по обыкновенію въ туземномъ архаикѣ. Всегда и всеміи любимый, онъ посѣщалъ лучшіе семейные кружки тифлисцевъ... Дома занимался музыкой... Онъ усердно продолжалъ заниматься персидскимъ языкомъ, хотя и нельзя сказать, что онъ имѣлъ хорошаго руководителя: это былъ содержатель одной изъ тифлисскихъ бань...»

Въ мартѣ 1823 года Грибоѣдовъ взялъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на четыре мѣсяца; но остался онъ на родинѣ почти два года. Это было время самое плодотворное для него въ отношеніи литературной дѣятельности. Въ Москвѣ, въ домѣ матери и сестры, Грибоѣдовъ въ главныхъ основахъ сдѣлалъ «Горе отъ ума» тѣмъ произведеніемъ, которое обезсмертило его имя. Онъ появлялся въ московскомъ обществѣ, и возвращаясь поздно домой, писалъ и передѣлывалъ сцены, по словамъ Булгарина, по ночамъ. Въ 1824 г. Грибоѣдовъ получилъ разрѣшеніе ѣхать за-границу для лѣченія и отправился въ Петербургъ. За-границу онъ, однако, не поѣхалъ, и около года прожилъ въ сѣверной столицѣ. Въ это именно время бессмертная комедія его начинаетъ приобрѣтать извѣстность, и онъ долженъ былъ многократно читать ее въ средѣ тогдашнихъ литературно-образованныхъ людей и литераторовъ. Изъ писемъ его видно, однако, что онъ неоднократно принимался и въ эти дни за ся исправленіе. Кругъ знакомства его расширился, и онъ познакомился и сошелся съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, — Вестужевымъ-Марлинскимъ, съ Д. Завалишинымъ и другими. Ноябрьское наводненіе въ Петербургъ дало поводъ Грибоѣдову описать свои впечатлѣнія въ статьѣ: «Частные случаи Петербургскаго наводненія», по цензурнымъ условіямъ не появившейся въ печати. Онъ жилъ тогда въ квартирѣ Одоевскаго на Торговой, гдѣ вода достигла значительной высоты.

Отказавшись отъ мысли ѣхать за-границу, Грибоѣдовъ рѣшилъ возвратиться въ Грузію продолжать службу. Въ мѣ 1825 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга и, черезъ Кіевъ и Крымъ, моремъ поѣхалъ въ Имеретію, а оттуда къ Ермолову.

Осенью Грибоѣдовъ былъ въ экспедиціи противъ горцевъ съ генераломъ Вельяминовымъ; свои впечатлѣнія онъ выразилъ въ стихотвореніи «Хищники на Чегемѣ». Декабрьскія событія 1824 г. въ Петербургѣ не могли не отразиться на немъ, по близкому знакомству его съ декабристами, и въ январѣ 1826 года Ермоловъ получилъ приказаніе арестовать его. Рассказываютъ, что, получивъ депешу въ Екатериноградской станицѣ, за ужиномъ, гдѣ былъ и Грибоѣдовъ, Ермоловъ вызвалъ его въ другую комнату и посоветовалъ ему сейчасъ же идти домой съ честью все, что могло бы его скомпрометировать, и когда черезъ часъ явился арестовать его, то, естественно, у Грибоѣдова ничего не нашли. Въ февралѣ Грибоѣдова привезли въ Петербургъ и сдали подъ арестъ. По слѣдствію не найдено было никакихъ основаній привлечь его къ дѣлу о декабристахъ, и въ мартѣ, въ половинѣ, онъ былъ уже свободенъ.

Въ дни заключенія Булгаринъ имѣлъ случай оказать ему нѣсколько услугъ, и Грибоѣдовъ, прежде отказавшійся было советамъ отъ его знакомства, теперь опять подружился съ нимъ. Получивъ свободу, онъ даже поселился съ нимъ на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, выдавъ только съ близкими людьми и проводя время въ чтеніи и дружескихъ беседахъ. По разсказу Булгарина, тогда Грибоѣдовъ «часто бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности. «Время летитъ, любезный другъ», говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать». ...У него навертывались слезы, когда онъ говорилъ о бесплодной почвѣ нашей словесности. «Въ жизни народа, какъ въ жизни человѣка, есть дѣятельность умственная и физическая», говорилъ Грибоѣдовъ: «словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ!..» Грибоѣдовъ—продолжаетъ Булгаринъ,—чрезвычайно любилъ простой народъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, не испорченныхъ еще искательствомъ и свѣтскими приличіями. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ христіанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ туда особеннымъ чувствомъ патриотизма: «Любезный другъ!» говорилъ онъ мнѣ: «только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви—я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Влади-

мірѣ, Дмитріи Донскомъ, Мономахъ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣ-городѣ, Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ».

Освобожденіе Грибоѣдова отъ обвиненія по дѣлу декабристовъ остановило на немъ вниманіе императора Николая Павловича. А. С. представился государю и съ чиномъ надворнаго совѣтника вновь получилъ назначеніе въ Грузію. Въ іюль онъ выѣхалъ изъ Петербурга, побывалъ проѣздомъ у родныхъ въ Москвѣ, и къ концу августа былъ въ предѣлахъ Кавказа. Въ то время уже началась Персидская война, и Грибоѣдовъ засталъ въ Грузіи Паскевича, приходившагося ему по женѣ близкимъ родственникомъ. Извѣстно, что Паскевичъ появляется въ Закавказьѣ съ особыми полномочіями отъ императора и стремленіемъ занять мѣсто Ермолова, и Грибоѣдовъ поставленъ былъ въ крайне неловкое положеніе между глубоко уважаемымъ имъ начальникомъ съ одной стороны, и столько же уважаемымъ родственникомъ съ другой. Отсюда вышли нареканія на него въ двуличности, фактически, однако, ничѣмъ не оправдываемыя. Въ январѣ 1827 года Ермоловъ отрѣшенъ отъ должности, и Грибоѣдовъ становится подчиненнымъ Паскевича, который и предписалъ ему принять въ свое вѣдѣніе граничныя сношенія съ Турціей и Персіей. Онъ былъ безотлучно при главнокомандующемъ, переносилъ всѣ труды и лишенія военнаго времени. Есть извѣстіе, что онъ принималъ участіе даже въ составленіи плана кампаніи.

Во время войны были случаи, показывающіи необыкновенную силу воли Грибоѣдова. Вообще самъ онъ утверждалъ, что власть человѣка надъ самимъ собою ограничена только непреодолимымъ силами природы, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно. И вотъ, когда разъ ядро съ неприятельской батареи разразилось подлѣ кн. Суворова, и Грибоѣдовъ, бывшій съ нимъ, почувствовалъ невольное чувство страха, то самая мысль, «нестерпимая для порядочнаго человѣка», что онъ трусъ, оскорбила его, и онъ рѣшился выльчить себя отъ робости; при первомъ же случаѣ, онъ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ неприятельскихъ батарей, сосчиталъ заранѣе назначенное самому себѣ число выстрѣловъ, и потомъ тихо повернулъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. «Знаете-ли, — говорилъ онъ послѣ, — что это прогнало мою робость! Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я чувству страха, оно усилилось бы и утвердилось бы во мнѣ».

Рядъ пораженій, понесенныхъ персіянами, заставилъ ихъ просить мира; для переговоровъ Паскевичъ назначилъ къ Аббасу-

мпрѣ Грибоѣдова. Донесеніе Грибоѣдова объ этихъ переговорахъ (см. стр. 348) показываетъ, съ какимъ тактомъ выполнилъ онъ трудное порученіе. Наконецъ, заключенъ былъ и Туркманчайскій договоръ. Представленіе его государю досталось на долю опять Грибоѣдова. Онъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 2-й степени съ алмазами и 4,000 червонныхъ. Грибоѣдова, впрочемъ, не манили награды, и онъ мечталъ выйти въ отставку и зажить кабинетною жизнью. Но судьба судила иначе... Въ мартѣ 1827 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ, по волѣ императора Николая Павловича, онъ уже получилъ назначеніе полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдовъ, самъ же предложившій учрежденіе этого поста, по совѣмъ не ожидавшій для себя назначенія на него, по относительной незначительности своего чина, съ недобрыми предчувствіями думалъ о Персіи, зная, сколько враговъ теперь имѣлъ онъ тамъ среди сановниковъ шаха, и между ними особенно вліятельнаго Аллаяръ-хана. «Насъ тамъ непременно всѣхъ перережутъ», сказалъ онъ Жандру, пріѣхавъ къ нему тотчасъ послѣ полученія назначенія.—«Аллаяръ-ханъ мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата». То же самое повторилъ онъ Бѣгичеву, съ которымъ видѣлся уже на пути въ Персію. Предчувствія его оказались вѣщими.

Въ началѣ іюня Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга, и въ половинѣ іюля былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь счастье на недолгіе дни улыбнулось Грибоѣдову. Еще въ Петербургѣ онъ говорилъ о своей любви къ дочери генерала Чавчавадзе, Ниинѣ Александровнѣ; теперь онъ сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято. Тогда шла война съ Турціей; Паскевичъ, котораго Грибоѣдову необходимо было видѣть, былъ въ дѣйствующей арміи, а къ ней проѣхать было затруднительно, потому что ей въ это время угрожала чума, свирѣпствовавшая уже въ турецкихъ войскахъ. Эти обстоятельства задержали Грибоѣдова въ Грузіи. Тѣмъ не менѣе, обвинявшійся съ Ниной Александровной, Грибоѣдовъ въ первыхъ числахъ сентября могъ выѣхать въ Тавризмъ. Резиденція наслѣдника персидскаго престола, Аббаса-мирзы, Тавризмъ, была мѣстомъ, назначеннымъ для европейскихъ миссій; въ немъ предстояло жить и Грибоѣдову. Но предварительно онъ долженъ былъ представиться шаху, и съ этою цѣлью, оставивъ жену въ Тавризмѣ, онъ въ первыхъ числахъ декабря уѣхалъ въ Тегеранъ. Тамъ его ожидала ужасная смерть.

Грибоѣдова приняли въ Тегеранѣ со всѣми почестями, должными русскому посланнику. Но вскорѣ неизбежно возникли недоразумѣнія и недовольство со стороны персіянъ. По Туркманчай-